

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1916 Г. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Борбордук Азиядагы 1916-жылкы Улуттук боштондук кыймылы: жаңы концептуалдык көз караштар

The national liberation movement of 1916 in Central Asia: new conceptual approaches

Аннотация: в статье раскрываются новые подходы к освещению и анализу событий национально-освободительного движения 1916 г. в Центральной Азии в историографии периода суверенитета.

Аннотация: макалада 1916-ж. Борбордук Азиядагы улуттук-боштондук кыймылы эгемендүүлүктүн тарыхнамесинде жаңы көз караштар изилденип жана анализденет.

Annotation: article describes new approaches and analyses about events of national-liberation movement of 1916 years in Central Asian in sovereign period.

Ключевые слова: Кыргызская Республика; национально-освободительное движение; восстание; теория геноцида; теория «заговора внешних сил».

Негизги сөздөр: Кыргыз Республикасы; улуттук боштондук кыймылы; көтөрүлүш; тукум-курут кылуу теориясы; сырткы күчтөрдүн күтүм теориясы.

Keywords: Kyrgyz Republic; national liberation movement; revolt; theory of genocide; theory of "plot of external forces".

На современном этапе Кыргызская Республика отмечает столетие восстания кыргызов против колониальной политики царской России, которое началось в далеком 1916 г. Оно стало составной частью широкого национально-освободительного движения трудящихся масс Центрально-Азиатского региона.

Ученые Центральной Азии большое внимание уделяли исследованию многочисленных аспектов восстания 1916 г., тщательно изучившего характер, причины, ход и результаты, охарактеризовав его, как национально-освободительное движение, основанное на социальных, национальных и религиозных проблемах региона, вызванных колониальной политикой царизма [1]. Для одних исследователей события июля-ноября 1916 г. – это революционное восстание, ставшее предвестником революции 1917 г., для других – антирусское и антирусское выступление, для третьих – антиколониальный бунт, в ходе которого в среде интеллектуальной знати (в частности, казахской) возникли идеи национальной консолидации и будущей государственной независимости стран Центральной Азии.

Историография государств региона в постсоветский период пополнилась многочисленными изданиями ранее не известных источников и научных трудов, по-новому раскрывающих сложные и противоречивые моменты национально-освободительного движения 1916 г., которые ранее замалчивались или идеологизировались. Благодаря этому в историографии суверенного периода определились новые подходы к оценке характера, хронологии, географии, движущих сил этого движения. Отдельные из них имеют под собой доказательную источниковую базу, другие – до сих пор остаются спорными.

Для историографии суверенного периода характерным является расширительное толкование освободительного движения 1916 г. Ряд историков утверждают, что к началу восстания 1916 г. привело формирование идеи национальной независимости.

Казахские историки М. Козыбаев, А. Бисенбаев подошли к оценке событий 1916 г. как к революции, национальной войне. Так, академик М. Козыбаев пишет, что в 1916 г. началась народно-освободительная борьба против царизма и его колониальной политики. По его мнению, события 1916 г. можно характеризовать как национально-освободительную революцию: «национально-освободительное движение 1916 года должно рассматриваться как яркое

проявление кризиса имперской колониальной системы, как составная часть мирового национально-освободительного движения... Его надо рассматривать в связи с мировой империалистической войной, но и вместе с тем, как революцию, равноправную с февральской».

События 1916 г. представляют собой национально-освободительную революцию, одну из первых революций такого типа, происходивших в колониях царской России, исходя из массовости, выдвижения общенациональных лозунгов, создания отдельных элементов института власти (факты избрания ханов). Февральская революция стала как бы вторым актом разрешения российского кризиса.

Он был против того, чтобы использовать понятие «восстание» по отношению к событиям 1916 г. По его мнению, «восстание» подразумевает под собой мятеж, выступление, а исследуемые события выходят за рамки мятежа. Это национально-освободительная война колониального Востока против империи, которая перерастала в революцию [2, с.168-169].

Согласно точке зрения А. Бисенбаева, «события 1916 г... можно охарактеризовать как национальную войну», поскольку в «ходе военных действий шло восстановление традиционных институтов казахской государственности ... воссоздаваемая государственность возродила и производство оружия, регулируемые ею экономические отношения, обучение ополченцев ... война возглавлялась представителями степной элиты» [3, с.104-105].

На наш взгляд, такие суждения являются новыми попытками политизировать, идеализировать освободительное движение 1916 г., преувеличить его прогрессивность. Такие характеристики не соответствуют истинному контенту и своеобразию этих событий. Ученые забывают, что восстание в отдельных районах было стихийным, не организованным и в целом, «не тянет» ни на революцию, ни на национальную войну.

На основе документальных источников, пересматриваются хронологические рамки национально-освободительного движения 1916 г. Традиционно считается, что началось оно 4 июля 1916 г. и завершилось в ноябре 1916 г.

Таджикский ученый И. Мамадалиев, ссылаясь на источники, утверждает, что восстание началось 3 июля: «2 – 3 июля в Ходженте скопились жители окрестных кишлаков. Примерно в это же время повсеместно началось составление списков. Почувствовав страх перед собиравшимися массами, подполковник Рубах потребовал от начальников всех постов уезда три раза в день сообщать ему о ходе подготовки рабочих к отправке» [4, с.806-807].

Первое выступление недовольных людей произошло 3 июля (1916 г.), когда «в г. Ходженте толпа местных собралась у квартиры пристава и произвела буйство, для прекращения которого без вызова администрации явились нижние чины, произвели несколько выстрелов в толпу и толпа расступилась» [5, с.8].

Горожане, среди которых было много женщин и детей, явившись в канцелярию полицейского пристава, потребовали уничтожить списки рабочих для отправки на тыловые работы. Несмотря на разъяснения и уговоры полицейских, толпа не расходилась, продолжая шуметь и требовать. В ответ на попытки полицейских оттеснить толпу, горожане стали активно сопротивляться, нанося им побои. Вооруженные палками, ножами, кетменями, серпами собравшиеся, а у некоторых были даже ружья, бросились на представителей царской администрации, полицейских, местного судью и аксакалов, пытавшихся призвать их к сохранению спокойствия и порядка.

«Выбежавшие к месту происшествия из вблизи расположенного караула пять нижних чинов Ходжентской караульной команды, находившиеся в наряде на случай беспорядка, были моментально окружены толпой.

В это время со стороны толпы раздался выстрел, вследствие чего эти нижние чины и часть остальных той же команды, рассыпанная по валу крепости, открыли огонь по толпе, сделав 16 выстрелов, последствием которых оказалось 2 убитых и 1 раненый. Толпа немедленно рассеялась» [5, с.8].

Опираясь на эти сведения, И. Мамадалиев утверждает, что восстание в Ходженте началось именно 3 июля и продолжилось во второй день народного движения – 4 июля 1916 г.

Казахский ученый С. Мажитов считает, что восстание в Казахстане, на основной территории, охваченной борьбой, завершилось в 1916 г., но в Тургае оно продолжалось и в 1917 г. В январе 1917 г. началось новое наступление повстанцев Тургая, против которых в феврале выступила карательная экспедиция под началом генерала Лаврентьева. В этом же году проводились расправы и репрессии над участниками освободительного движения.

По его мнению, исследование народно-освободительного движения казахского народа с позиций хронологических рамок 1916-1917 гг. открывает ряд неисследованных проблем, а вместе с этим и новые перспективы в их изучении. Исходя из этих хронологических рамок, появляется возможность по-новому взглянуть на события весны-осени 1917 г. в Казахстане [6].

Остродискутируемой проблемой в научных изысканиях, выступлениях общественных и политических деятелей стала теория геноцида против кыргызского и казахского народов в ходе подавления освободительного движения 1916 г.

Очевидно, что она основана на *теории провокации*, которая была выдвинута современником этих событий Г. Бройдо. Он писал следующее: «непосредственная деятельность власти, направленная на то, чтобы вызвать, провоцировать восстание для уничтожения человеческого материала Киргизии и для расчистки земли для новых колонизаций. ... Вырезать киргиз, спугнуть их в Китай и захватить новые земельные фонды – вот, что ожидало царское правительство в результате своей провокационной работы. ... Восстание было результатом провокационной работы всей администрации, не исключая высшей (Ташкент и Семиречье), направленной к тому, чтобы вырезать киргизское население и очистить земли для дальнейшей колонизационной деятельности правительства. Нелепые и провокационные приказы, ложные разъяснения чинов администрации, натравливание русских поселенцев, организация из них отрядов, безнаказанность массовых убийств и бесчинств – все это было направлено на провокацию якобы восстания, которое дало бы основание к массовому «уничтожению» киргиз. Действия воинских отрядов и крестьянских дружин, вооруженных и организованных полицией, администрация края искусно расширяла район и остроту волнений, все более превращая киргизское население в неприятеля в глазах приходящих войск» [7, с.1-2, 28].

Это свидетельство того, что к восстанию привели провокационные действия чиновников российской администрации с целью зачистки земли от кыргызов и казахов для открытия пути широкой колонизации края русскими переселенцами.

Доказательством этой теории, по мнению ее сторонников, являются данные о численности погибших кыргызов и казахов в ходе подавления восстания и бегства в Китай. Учитывая, что достоверных источников с такими данными нет, приводимые учеными цифровые данные значительно отличаются друг от друга.

Рассмотрим, какими цифрами оперируют исследователи относительно численности погибших кыргызов. Ю. Абдрахманов (председатель Совнаркома КАССР) приводил такие данные: «Карательные отряды царизма наводнили территории, населяемые киргизами и казахами, расстреливали их вплоть до грудного ребенка. Около 150 000 человеческих жертв, погибших от пуль и клинков царских палачей, погибших от рук кулацко-колонизаторских элементов русских переселенцев. 150 тысяч человек - это только жертвы «организованного» убийства, а сколько их, восставших, погибло в Китае, куда они бежали после восстания» [8, с.229].

Т. Рыскулов в работе «Восстание киргиз и казахов в 1916 г.» утверждал, что убыль кочевого населения Семиреченской области на январь 1917 г. составила 270632 человека. «Общее число кибиток по области, по переучету на трехлетие 1916/18 года, определено было в 182.255. Следовательно, их убыль составила 29,12 %. По статистике на кибитку приходится 5,1 человек. По этому расчету убыль кочевого населения в области в результате восстания, к январю 1917 года исчисляется в 270.632 душ..." [9, с.34].

К. Усенбаев, внесший огромный вклад в изучение восстания 1916 г. в Кыргызстане, приводит такие данные: «... общее число участников восстания, убитых колонизаторами, и погибших от голода, эпидемий в период деятельности Временного правительства достигло 20 тысяч человек. В результате жестокого подавления восстания и враждебного отношения правительства к повстанцам численность коренного населения Северного Кыргызстана уменьшилась на 119215 человек, или на 41,4 %» [10, с.147]. Именно эти данные приводились в более поздних исследованиях кыргызстанских ученых.

Ученые У.Чотонов и Досбол Нур уулу считают, что «...по приблизительным данным, было убито около 4 тысяч кыргызов. Во время бегства в Китай от рук карателей погибло около 12 тысяч кыргызов. Общее число кыргызов-беженцев, прибывших в Китай, составляло около 130 тысяч. Более 70 тысяч из них погибло от голода, эпидемии тифа, цинги, многих царское правительство отказывалось принимать обратно» [11, с.132-133]. Следовательно, по мнению этих ученых, потери среди кыргызов достигли 86 тысяч человек.

А. Асанканов, с опорой на китайские источники, утверждает, что только из Семиреченской области бежало 332 тысячи человек, из них 130 тысяч кыргызов. А в целом в восстании 1916 г. погибло около 200 тысяч кыргызов [12, с.257].

Исследователь Т. Шейшеканов приводит такие цифры: на 1 января 1917 г. из Семиреченской области в Китай перешли 38 тысяч кибиток или 150 тысяч человек. Только во время преследования карательными отрядами были убиты более 12 тысяч кыргызов. И еще на перевале Музарт, на границе с Китаем от голода, холода погибли еще 2 тысячи человек [13, с.68-69]. В результате восстания численность населения Семиреченской области уменьшилась на 25 % [13, с.72].

Доказательством этой теории является также официальный источник, введенный в научный оборот К. Молдокасымовым. Это протокол совещания российских чиновников под председательством Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина от 16 октября 1916 г. «О выселении кыргызов и казахов, участвовавших в восстании 1916 г. в Нарынскую губернию, и передаче их земель русским переселенцам». Он обличает планы царской администрации по выселению кыргызови казахов Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов в труднодоступные горные районы Нарына, где абсолютно никаких условий для проживания не было. Кыргызы и казахи сознательно отправлялись на верную гибель. На освободившихся землях администрация края планировала создать 5 новых казачьих станиц, в каждой не менее 60 семей [14].

Хотя, конечно, есть и противники данной теории. Историк Ш. Батырбаева заявляет: «...1916 год. Это был не геноцид, а противостояние между метрополией и колонией... Действительно, было жесткое подавление восстания» [15 -14]. В ходе самого восстания погибло около 4 тыс. кыргызов, а после его подавления, исходя из расчетных демографических данных (использовался метод перспективного исчисления населения), потери среди кыргызского населения составили 37,1 тыс. человек. Эта цифра включает в себя как прямые людские потери, так и убыль населения, и количество несостоявшихся рождений. Погрешность данного метода около 10 %. Даже если допустить, что погрешность составила максимальное значение, величина демографических потерь могла составить не более 41,3 тыс. человек [16, с.108].

Г. Кронгардт, используя эту же методику перспективного исчисления людской убыли, получил следующие результаты: в результате подавления восстания и вынужденной миграции в Китай убыль составила 96,1 тысячу человек [17, с.52]. Согласно Ш. Батырбаевой, столь существенное расхождение было вызвано не в результате использования метода перспективного исчисления, а его подходом определения временных рамок демографических потерь. Он проводил исчисления до 1926 г., и потери населения в результате голода, имевшего место в 1917-1918 гг., посчитал прямым следствием подавления восстания 1916 г. Кроме того, без учета позитивных тенденций в демографических процессах в годы НЭП он ошибочно выявлял расхождения между предполагаемым ростом численности кыргызов с реальными зафиксированными данными в ходе переписи населения 1926 г. [16, с.109].

Очевидно, что ученые используют довольно противоречивые цифровые данные о жертвах среди кыргызского населения в ходе восстания 1916 г. В целом, можно говорить, что в ходе и при подавлении восстания 1916 г. погибло от 200 до 350 тысяч кыргызов, хотя некоторые политики и общественные деятели, манипулируя общественным мнением, доводят количество жертв до 1 млн человек.

Следовательно, перед национальной исторической наукой стоит важная и неотложная задача – установить более точные и объективные данные о количественных потерях среди кыргызского народа в ходе национально-освободительного движения 1916 г. и его подавления.

В историографии суверенного периода находит свое подтверждение теория «заговора внешних сил», т.е. влияние внешнего фактора на начало восстания. Восстание рассматривается как составная часть первой мировой войны, как результат противостояния двух коалиций – с одной стороны, России, Франции, Англии, с другой – Германии, Австро-Венгрии и Турции. Исходя из этого, некоторые авторы убеждены в том, что восстание началось в результате подрывной деятельности агентов германской, турецкой разведки, к которым присоединился и китайский фактор.

Справедливости ради, следует отметить, что о «заговоре внешних сил» упоминалось еще на научной сессии 1955 г., посвященной истории

Средней Азии и Казахстана. Тогда некоторые историки поднимали вопрос о деятельности германских и турецких шпионов на границах Семиречья во время восстания 1916 г. Но тогда он не получил поддержки в силу слабой изученности источников.

О немецком следе российский историк И. Баринов пишет следующее: «Итак, говоря о германской стратегии относительно Центральной Азии в годы Первой мировой войны, стоит подчеркнуть, что эта европейская держава на тот момент имела только приблизительное представление о том, что это за регион. Внимание Берлина по большей части было сосредоточено на Афганистане, который рассматривался в качестве тарана британских позиций в Индии. Русский Туркестан и происходившие там события оставались на периферии внимания германского командования, тогда как гораздо большую активность здесь проявляла Турция, тогдашний союзник Германии. Для составления более точной картины германского стратегического планирования в отношении Туркестана необходима тщательная разработка фондов германского МИДа, Генерального штаба и других ответственных инстанций» [18].

Турецкий след. В Департаменте полиции сохранилось множество донесений, что на территории Туркестана и Степного края велась активная турецкая пропаганда; устраивались «бабьи бунты» с участием мусульманок; тайные сборы денег; распространялись слухи о военных победах Турции и возможном «изгнании русских» из Туркестана и различные прокламации, и воззвания.

Приведем только один пример: «Мусульмане! Царствующий над нами Халиф Ислама – Турецкий Султан ведет войну с Россией и другими ей союзными государствами. Каждый мусульманин должен сочувствовать этой священной войне Султана и обязан немедленно жертвовать на ее нужды и во благо войны всего мусульманства. А тот, кто не в состоянии жертвовать, тот должен сам встать в ряды сражающихся против неверных... Настало время освобождения от власти гяуров-русских..." [19].

Китайский след. Деятельность турецкой и германской агентуры активизировалась также в Кашгаре. Русское консульство в Кашгаре довольно часто пыталось оказывать давление на китайские власти для пресечения деятельности турецко-германских агентов и наказания поддерживающих их китайских чиновников. К примеру, в одном из донесений военного губернатора Семиреченской области А. Алексеева сообщалось следующее: «Есть бесспорное основание считать виновников по агитации, во-первых, некоторые элементы из соседнего Кульджинского района, а, во-вторых, и агентов Германии: решимость главарей бунта созрела и окрепла неожиданно быстро потому, что в их заблуждениях их поддерживали чьи-то прокламации, гласившие о слабости России, о непобедимости Германии и о близком вторжении в Русский Туркестан китайцев» [19].

У чиновников царской администрации также имелись сведения об участии известных участников Синьхайской революции 1911 г. Ли Сяо-фына и Юй Дэ-хайя в организации восстания в Семиречье. В Мариинской волости Пржевальского уезда зачинщиками и главными организаторами восстаний были именно китайские подданные. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Ном, а также сюда тайно доставлялось оружие из Синьцзяна [19].

О влиянии внешнего фактора на начало освободительной борьбы в 1916 г. в Центральной Азии пишут также авторы ряда научных работ [20].

Вместе с тем утверждать, что мощное национально-освободительное движение 1916 г. началось только в результате подрывной деятельности внешних сил безосновательно. Освободительное движение народов Центральной Азии было вызвано сложным переплетением внутренних социально-экономических и политических процессов, в особенности, недовольством широких народных масс колониальной, переселенческой, аграрной, налоговой политикой царизма в регионе. При этом следует согласиться с тем, что определенные действия со стороны внешних сил действительно предпринимались. В этой связи возникает необходимость в будущем проводить исследования по поводу интересов различных государств о событиях 1916 г. в Центральной Азии.

Таким образом, ученые суверенного периода внесли большой вклад в изучение национально-освободительной борьбы народов Центральной Азии 1916 г. на основе широкого круга исторических источников, введенных в научный оборот. Вместе с тем отдельные аспекты восстания нуждаются в дальнейшем анализе. При этом следует избегать политизированных подходов, отказаться от конфронтационных аргументов для доказательства истинности только

своей точки зрения при использовании не совсем соответствующих действительности фактов. Очевидно, что необходимо избегать высказываний взаимных претензий по фактам уничтожения местного населения региона, перегибам, репрессиям, проводимым царскими властями, и требований финансовых выплат.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что перед исторической наукой региона стоит сложная задача: исследование национально освободительной борьбы 1916 г. в Центральной Азии необходимо выводить на новый уровень теоретического осмысления и определить пути его дальнейшего изучения на основе анализа новых опубликованных исторических источников и научных исследований.

Литература

1. Абдиров М., Ақтамбердиева З. Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетысу. Алматы, 2011; Аманжолова Д. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы, 2013; Ганин А. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. М., 2008; Глушенко Е. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010; Джангильдин А. Документы и материалы. Алматы, 2009; Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008 и др.
2. Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Вып. II. Алматы, 1994.
3. Бисенгалиев А. К вопросу об изучении национально-освободительных движений – начале XX в. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Вып. II. Алматы, 1994.
4. История таджикского народа / Под общей ред. Р.М. Масова. Т. IV. Душанбе: Дониш, 2010. 1124 с.
5. Мамадалиев И. Восстание 1916 г. через призму XXI века (посвящается 100-летию восстания в Худжанде) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. № 2 (43), 2015.
6. Мажитов С. Протестное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: проблемы теории и методологии изучения – journals.manas.edu.kg/mjtc/oldarchives/2006/9_821_2104_1-PB.pdf
7. Бройдо Г. Восстание киргизов в 1916 г. / Г. Бройдо. М., 1925.
8. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / Ю. Абдрахманов. Бишкек, 1991.
9. Рыскулов Т. Восстание киргизов и казахов в 1916 году / Т. Рыскулов. Бишкек, 1995.
10. Усенбаев К. 1916: героические и трагические страницы / К. Усенбаев. Бишкек, 1997.
11. Чотонов У., Досбол Нур уулу. История Отечества / У. Чотонов, Нур уулу Досбол. Бишкек, 2009.
12. Асанканов А. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Бишкек, 2009.
13. Шейшеканов Т. Колдогу которулуш. Бишкек, 2003.
14. Молдокасымов К. 1916-ж. Архив документтери ашкерлейт <http://www.barakelde.org/muras/news:406/>; Молдокасымов К. 1916-жыл. Эркиндик учун куруштун барактары жана сабактары – <http://www.barakelde.org/muras/news:406/>, ж.б.
15. Батырбаева Ш. 1916 год. Это был не геноцид, киргизов погибло 4 тысячи... // Stan Radar.com: <http://www.centrasia.ru/news>.
16. Батырбаева Ш. Демографические потери киргизов во время восстания 1916 г.: мифы и реальность // Центральная Азия в исследованиях XIX – XXI вв. Бишкек, 2014.
17. Кронгардт Г. Демографические аспекты истории восстания 1916 г. в Кыргызстане // Восстание 1916 г. в Кыргызстане. Бишкек, 1993.
18. <http://ural-eurasia.ru/samoe-aktualnoe/vosstanie-1916-goda-obshchaya-tragediya-dlya-vsekh-postradavshikh-narodov/>. Дата обращения: 26.02.2016.
19. Калишевский М. Трагедия 1916 г. Десяносто пять лет со дня восстания. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1309191660>. Дата обращения: 10.01.2016.
20. Волков И. Военная контрразведка русского Туркестана и мировые процессы // Власть. 2009. № 8; Мухлынин Б. Восстание 1916 года в Чуйской долине // belovodskoe-muh.ucoz.ru; Ганин А. Последняя полуденная экспедиция императорской России // Русский сборник. Т. 5. М., 2008. С.157; Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века. М., 2013. С.119–121.